

СПРАВОЧНИК МАГИЧЕСКИХ ЗАКЛИНАНИЙ

*Печатается с любезного разрешения
пожизненно-посмертного главы Тибидохса,
лауреата премии Волшебных Подтяжек,
акад. Сарданапала Черноморова*

*Добавлены заклинания из библиотеки джинна Абдуллы.
(Перед прочтением три раза быстро сказать: «Зависни-
кус обломатим!»¹)*

Искрис фронтис — боевая искра белого мага.

Пундус храпундус — усыпляющее заклинание. Снимается с рас-
светом.

Первачус барабанус — для просушки мокрой одежды.

Топтакли-лягакли — «пинательное» заклинание. Нельзя отме-
нить.

Болеус обуздатус — заклинание против боли.

*Паранойус крышус срывонис! Маразматут кульминацио-
нит!* — малополезная комбинация духоотгоняющих заклина-
ний.

Полниссимо дебилиссимо! Склеротикус маразматикус! — за-
клинания стирания памяти.

Туманус прошмыгус — заклинание взломщика (*черномагичес-
кое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

¹ Поздно, вы уже сглажены!

Дрыгус-брыгус — заклинание против простейшей нежити, Черных Штор, полтергейстов и привидений.

Караваждис феокссирис! — заклинание против Короля Привидений (*один раз в год*).

Грааль Гардарика — заклинание перехода из мира лопухоидов в мир магов. Действует в одной точке над островом Буяном.

Ливодис-курукус — снимает куриный сглаз.

Линузус очкустус — заклинание невидимости, слабенькое и довольно бестолковое. Не распространяется на волосы и одежду.

Кондовус руализмус — заклинание, иногда блокирующее темную магию (силой не более одной искры).

Зажималлус втюрис — «обнимальное» заклинание. Без комментариев.

Панидис паленус — не всегда же зажигать огонь с помощью спичек?

Трыгус шителус — гасит пламя.

Хап-цан — перемещение предметов на малые и средние расстояния. Без особой необходимости не использовать. Не исключено, что перенесенный предмет окажется разбитым вдребезги.

Квасис грасис отыскатис — отыскивающее заклинание.

Голодронус голодрыгус — вызывает острое чувство голода.

Чукара курачукара — «заклинание зубрил». Полезно при подготовке уроков. На экзаменах и контрольных блокируется преподавателями (*черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

Бантикус трибантикус — простенькое заклинание лентяев. Завязывает шнурки. Внимание! Если шнурков на обуви не окажется, будут завязаны пальцы ног!

Чистус трубачистус — еще одно заклинание лентяев. Умывание и чистка зубов. При наличии во рту жвачки возможен взрыв.

Бумазейкус вытолзанус — для дистанционного перемещения бумажек.

Пробкис вырубонис — «уходя, гасите свет».

Фурыллис эббус труфус бонирайис аппедицитус болотомус — роковой сглаз (сокращенная форма).

Дуллис нуллис — контрзаклинание при наложении рокового сглаза (только в течение пяти минут после наложения сглаза).

Гряллиум пуллиум — заклинание хаоса (*черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

Капут тынетут — заклинание, отделяющее душу от тела (*черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

Гыгли-мыгли-карадыгли — наложение сглаза (*черномагическое средней силы*).

Фебрытбь — «антикательная» магия.

Штушус коротьшус — от рези в животе.

Кызютбамль шуму — от «лягушачьего» сглаза (применить не позже первого позеленения!).

Мотис-ботис-обормотис — против болотных хмырей. На другие виды нежити не действует.

Новые заклинания

Ноуменус кантус вытулялис — заклинание высвобождения магической сущности.

Разрази громус — смертельная клятва.

Актус кляузник макакис прерывонум забиякис — блокирующее заклинание Графина Калиострова.

Шлепкус всмяткус капиталис — заклинание размазывания по стене.

Парус стускалус — успокаивающее заклинание.

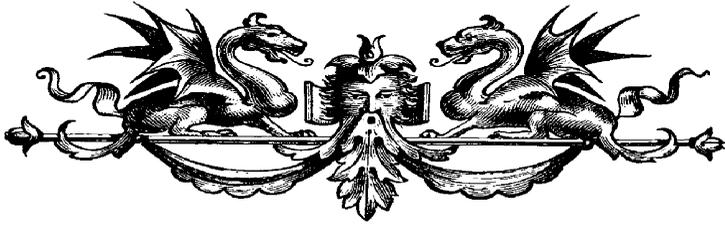
Атлантинус-волхвонис — заклинание пробуждения атлантов.

Сводус атлетус анаболикум — второе заклинание атлантов.

- Буйнус палатис* — для оживления скамьи (бешеное родео).
Кондовус руализмус — отменяющее заклинание (бешеное родео).
Цапус-застукалус — призывное заклинание проф. Клоппа.
Встышкус гробулис — смертельный аналог *Искрис фронтис*! Используется темными магами.
Отрезвонум нормаликус! — отрезвляющее заклинание.
Маньякус пришивакус магфиозо якудзякус! — заклинание вызова магфиозных купидончиков.
Своякис маякис! — заклинание, чтобы посторонние не совали нос в твою записную книжку.
Пихалус экзаменостис! — экзаменационное заклинание. Обладает неприятными побочными действиями.
Кофейникус возбуждалус — предэкзаменационное заклинание.
Трынтравонис пофигатор — расслабляющее заклинание.
Фердыщус малокровус — заклинание против вампиров.
Рукли-букли-симпанукли — симпатяжное заклинание (+ *тройной нормукли*), усиленная форма.
Дистрофикус физкультурус! — заклинание силы.
Гумползит транзитум ваэреньо — паучий слез.
Быгус-гмыгус-тарагмыгус — «червяковое» заклинание малютки Клоппика.
Максимус гигантус — увеличивающее заклинание.
Нормус плоцидус однорьлос — заклинание расширения пространства — пятое измерение.
Мизур лиллитутос — уменьшающее.
Кувалдус отбрькус — «дубиночное» заклинание малютки Клоппика.

САМЫЕ НОВЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

Темпора моралес — пространственное.

Настройщикус криворукус — усмирение музыкальных инструментов.

Шмыгус сморкатис — заклинание вечного насморка малютки Клопшика.

Киякус каракатис! — стулопрыгательное заклинание малютки Клопшика.

Атыс-батыс-крутитедалис! — двигательное заклинание.

Прыгулис-дрожалис — обогривательное заклинание.

Гопус-стопус — удерживающее заклинание.

Ушкус намакушкус! — заклинание против подслушивания.

Меняус неодурачус! — «магический» взгляд; проверка на присутствии магии.

Дьмус коромыслус! — заклинание магического дыма.

Дальнозоркис лупоглазус! — магический взгляд.

Воркалакус эндус черногорил — заклинание против оборотней.

Полетные

Торопыгус угорелус — самое стремительное и опасное.

Тикалус плетутс — среднее.

Пилотус камикадзис — медленное, но наиболее грузоподъемное. В равной степени подходит для слонов и недотеп.

Дмитрий Емец

Ойойойс шмякис брякис — подстраховочное.

Чебурыхнус парашютис — тормозящее.

Чебурыхнус парашютис форте — ускоренное тормозящее для экстренной посадки.

«Заговоренный пас»

Гуллис-дуллис — Цап-царапс (блок).

Труллис-запуллис — Леос-зафиндилеос (блок).

Фигус-зацатус — Шупс-куроцупс (блок).

Призовые очки в драконболе

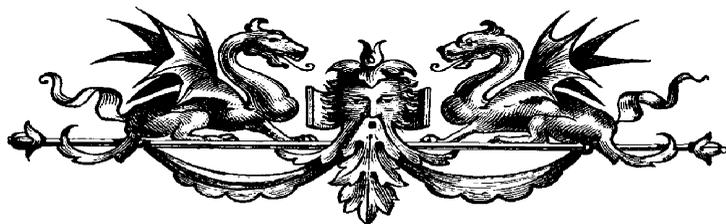
Пламегасительный мяч — 3

Одурительный — 1

Перцовый — 5

Чихательный — 2

Обездвиживающий — 10

*... Душа родная — нос чужой...
Враждуют чувства меж собой...*

Е.А.Баратынский

Глава 1

РОДСТВЕННИКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

Самый добрый депутат Герман Дурнев воздел к потолку мутные глазки с белками цвета несвежей мыльной пены.

— Человеческой подлости и зависти нет границ! Нинель, золотце мое, меня лишили депутатской неприкосновенности, лишили всего! Кто я теперь? Всего лишь почетный председатель В.А.М.П.И.Р. и генеральный директор фирмы «Носки секонд-хенд!» — надрывно заявил он.

— Герман, все же согласишься, ты сам виноват. Притащиться на встречу с американским президентом в кожаных сапогах со шпорами и со шпагой! Они, конечно, там ковбои, но не до такой же степени. И как тебя только пропустили? Я лично не удивляюсь, что все так закончилось! — осторожно заметила тетя Нинель.

— Да, да, да... Возможно, это было с моей стороны не-

много неосторожно. Но что такого особенного в сапогах? Я же послушался тебя и не надел корону! — плаксиво пожаловался Дурнев.

— ГЕРМАН!

— Что Герман? Я уже целую кучу лет Герман! А вообще-то, клянусь, американца это позабавило! Он там сидел и от нечего делать рисовал на бумажке танки, а когда я крикнул: «А вот и он, больной зуб!» и зазвенел шпорами — тут он как подскочит! А наш президент поморщился и погрозил мне пальцем. Знаешь, будто хотел сказать: «Опять этот Дурнев! Он меня просто достал!» — заявил почетный председатель.

— Германчик, ты забываешь, что было потом! — сказала тетя Нинель.

Самый добрый депутат отмахнулся от жены, точно от назойливой мухи.

— А что, кто-то еще этого не знает? Да по телевизору целую неделю только это и показывали! На меня навалились охранники и стали выкручивать мне руки. Мне, председателю В.А.М.П.И.Р., депутату! Мне это не понравилось, и я стал сопротивляться. Вообрази, Нинель, я и не предполагал, что такой сильный. Они падали, как кегли в боулинге, а я ведь только толкал их эфесом шпаги и звенел шпорами. Один, здоровенный такой, краснощекий, как помидор, представляешь, задрожал и закрыл шею руками. А я лишь посмотрел на него немного задумчиво.

— Просто посмотрел, и все? Ты уверен, что не пытался его укусить? — с подозрением осведомилась тетя Нинель.

Дурнев от возмущения даже передернулся.

— Кусать какого-то охранника с немывтой шеей, который только поливает грязь этим мерзким одеколоном? Фи! За кого меня принимает собственная жена? Да я вообще не переношу вида крови! В детстве мне становилось дурно, стоило уколоть иголкой палец и увидеть красную капельку... Вот слегка поджаренные бифштексы с кровью — совсем другое дело. Но они же не ходят на двух ногах!

Тетя Нинель обрушилась на диван, обреченно заскрипевший пружинами. Дальше ее муж мог не рассказывать: она и сама все знала. Несмотря на шпагу графа Дракулы, количество восторжествовало над качеством. Дядю Германа скрутили и выставили вон. На другой день многочисленные недоброжелатели Дурнева вынесли вопрос на голосование и лишили его депутатской неприкосновенности, а заодно и мандата. Возможно, Дурнев сумел бы еще на кого-то надавить и выкрутиться, но его пропуск в Думу тоже был аннулирован, так что потомку графа Дракулы некого было замораживать гипнотическим взглядом и не перед кем звенеть шпорами.

— Айседорка Котлеткина сегодня со мной даже не поздоровалась! Прошла как мимо пустого места. Она уже знает, что ты в опале, — грустно сказала тетя Нинель.

— Еще бы. Моей политической карьере пришел конец. Окончательный и бесповоротный. И Котлеткины это понимают. У них нюх, — кивнул председатель В.А.М.П.И.Р.

Он увязал в болоте уныния.

— Чем ты теперь займешься, Германчик? — стараясь расшевелить его, спросила тетя Нинель.

Ее хандрящий супруг-вампиرويد задумчиво пошевелил ножками в зеленых носочках. С его стороны это было не самое разумное действие. Такса Полтора Километра, наблюдавшая из-под дивана за прыгающими у нее перед носом дурневскими пятками, не справилась с искушением. Она высунулась, тяпнула бывшего депутата желтыми старческими зубами и вновь убралась в свое убежище.

Дядя Герман взревел страшным голосом. Он подскокил едва ли не до потолка и попытался отодвинуть диван, чтобы расправиться с собакой. Однако диван и сам по себе был тяжелым. Сейчас же, когда на нем сидела еще и тетя Нинель, массивная, как якорь «Титаника», он привел бы к грыже и тибидохского атланта.

Тогда Дурнев замыслил отомстить иначе. Держа укушенную ногу на весу, он на оставшейся ноге (выбор ног у лопухоидов, увы, довольно ограничен) припрыгал к телефону и поспешно пролистал справочник.

— Это зоомагазин?.. — закричал он в трубку. — Скажите, девушка, у вас есть отравы для собак?.. Что вы говорите?.. Пес мучается? Нет, это я мучаюсь! Как не держите? А зачем тогда задавать идиотские вопросы?

Раздраженный Дурнев швырнул трубку на рычажки, бессильно пнул диван и, ушибив пальцы, неожиданно для себя настроился на мирный лад.

— Вечно ты, Нинель... Откуда я знаю, чем займусь? —

пробурчал он. — Ну, наверное, пригоню из Европы пару составов с тряпьем. Только знаешь, что в последнее время стали устраивать эти жулики, мои поставщики? Они подмачивают вещи перед продажей на вес! Только я ведь тоже не лыком шит. Я расплачиваюсь с ними не деньгами, а матрешками и буденовками.

* * *

Неожиданно — такие вещи почему-то всегда случаются именно так, а не иначе — звонок в коридоре ехидно задребезжал. Тетя Нинель и дядя Герман разом вздрогнули.

— Пап, кто-то притащился! — крикнула из своей комнаты Пипа.

— Будто я сам не слышу! Возьми и открой! — огрызнулся дядя Герман.

— Я не могу! Я ругаюсь! — возразила его дочка.

Она уже третий час сидела в Интернете на форуме фанов Гурия Пуппера и пыталась убедить всех, что Гэ Пэ влюбился в нее и даже присылал ей цветы с купидончиками. Пипе не особенно верили, хотя она со злости так колотила по клавиатуре, точно забивала гвозди. Правда, в одном Пипа с форумцами все же сходилась. Фаны Пуппера тоже в большинстве своем считали, что Таня Гроттер — дура набитая, а Гэ Пэ крутой, как вареное яйцо.

— Ладно, доча, не отвлекайся! Ругаться надо долго и со вкусом, а то не получишь удовольствия. Папулечка сам откроет! — сказал дядя Герман и двинулся к двери.

Его супруга повисла у него на руке.

— Герман, не надо! Не открывай! — взмолилась она.

— Почему?

— Так всегда начинается! С непонятных звонков в дверь. Разве ты не слышишь мелодию? То ли похоронный марш, то ли джига! Эти звуки бывают только в *таких* случаях!

— Думаешь, снова Гротгерца? — вращая шеей, с подозрением спросил Дурнев.

— Не знаю... Давай хотя бы посмотрим, прежде чем открывать!.. Стой! Ты куда? — Тетя Нинель на секунду выпустила супруга, и тот, воспользовавшись этим, прорвался к дверям.

— Если это Танька, она пожалеет! Прикончу на месте! Шпага, ко мне! — воинственно зарычал потомок графа Дракулы.

Шпага, звеня от нетерпения, выскочила из шкафа и прыгнула к нему в ладонь. Ей давно уже хотелось кого-нибудь проткнуть, и теперь она только обрадовалась, что хозяин взялся за ум.

Рванув дверь, Дурнев выскочил на площадку и удивленно остановился. Он никого не увидел. Должно быть, это произошло оттого, что дядя Герман смотрел слишком высоко. Наконец он догадался перевести взгляд ниже и оцепенел.

Перед ним обнаружился карлик с большой бугристой головой, покрытой не то лишаями, не то заросшими красной шерстью родинками. Его макушка была где-то на уровне пупка дяди Германа. Однако маленький рост ни-

чуть не лишал карлика самоуверенности. В руках у него была сучковатая, с резными узорами палка из красного дерева, на которую он опирался не без некоторого изящества.

Карлик так и светился от чувства собственного достоинства, которое ничуть не умалялось тем, что единственной одеждой карлику служила волчья шкура. Он был бос, с ногами, по колено покрытыми грязью — такой жирной и густой, что со стороны близорукому человеку могло показаться, что карлик обут в щегольские хромовые сапоги. Даже для конца октября грязи было явно многовато. Однако самым неприятным в незнакомце были даже не красные родинки и не грязь, а кошмарный запах — резче и отвратительнее, чем от болотного хмыря. Видно было, что карлик принимает душ только при несчастном стечении обстоятельств — когда попадает под дождь.

Пока дядя Герман тупо разглядывал огромные, не по росту, ступни гостя, с ногтями желтыми и крепкими, как черепаховый панцирь, карлик, ничуть не смущаясь, произнес гнусавым голосом:

— Квартира Дурневых? Вот приехал к вам! Жить, то ись, у вас буду!

Ошеломленный такой неслыханной наглостью, дядя Герман сумел лишь открыть рот. Рука, в которой он сжимал шпагу, опустилась.

— Ты что, братик, не рад? Своих не узнаешь? Это ж я! — обиделся карлик.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» замотал головой, демонстрируя всем своим видом, что не знает и знать

не хочет никакого самозваного «я», а заодно «ты», «вы», «оно», «они» и вообще никаких местоимений.

Босяк опечалился. Он еще пару раз фамильярно назвал дядю Германа братиком, но не встретил родственного отклика. Тогда он вздохнул, поскреб подбородок и стал бить на жалость.

— Ну как же! Я со стороны бабы Рюхи и Шелудивого Буняки! Родная ж, можно сказать, кровинка! — сообщил он, прочувствованно шмыгая носом.

— Не знаю я никакого Рюхина! Убирайтесь! — строго велел дядя Герман.

Карлик не внушал ему доверия. С каждым мгновением Дурнев, обладавший острым чутьем на людей, все определеннее убеждался, что перед ним проходимец.

— Да ты не туда смотри, ты сюда смотри! — засуетился человек, путано, но убедительно чертя что-то пальцем по воздуху. — Вот она, то ись родословная наша: тута баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тетка Хрипуша, тута ее сестры Трясея, Огнея и Ледея, а здесь вон плямянник их Пруха. А у Прухи-то сыночек был, Халявий! Припоминаешь? Так я энтот Халявий был и есть!

Дядя Герман сглотнул. Он впервые слышал о бабе Рюхе и Шелудивом Буняке, равно как и о Прухином сыночке Халявии. С другой стороны, что-то подсказывало бывшему депутату, что отвертеться от настырного родственничка будет непросто.

Пока Дурнев пребывал в растерянности, Халявий, не дожидаясь приглашения, быстро опустился на четверень-

ки, прошмыгнул у дяди Германа между ног и залез безил перед его супругой.

— Решил я, мамуля, у вас пожить. Не прогоните же, то ись. Совсем у нас плохо стало. Ни тебе кровушки попить, ничего... Прямо хучь здесь ложись и подыхай! — объяснил он, мигая слезящимися глазками.

Однако, несмотря на твердое намерение распрощаться с жизнью, родственничек с каждой минутой все больше распоясывался. Он решительно зашаркал грязными ступнями по дубовому паркету, сунул свою палку за шкаф и, оказавшись у вешалки, по ходу дела вытер нос рукавом норковой шубы тети Нинели.

Дурнева разглядывала карлика со смешанным чувством ужаса и брезгливости. Тем временем Халявий уселся на пол и, с пугающей ловкостью почесав ухо ногой, бесвязно забормотал:

— Вот такая вот, то ись, наша жись! А тот еще колом... колом осиновым поперек спины... Я от кола-то увернулся да его за ногу. А тут второй из ружья как дребезнет, да серебряной пулей! Вот туточки пролетела мимо уха — свирк... А он уж снова приложился и целится! Едва я успел, значить, *Темпора моралес* произнести.

Неожиданно Халявий осекся, встав, вытянулся по стойке «смирно» и, с беспокойством воззрившись на монументальную фигуру тети Нинели, поинтересовался:

— Болтаю, а у самого на языке вертится... Вы-то сами не из циклопих будете, мамаша? Нет? А то у нас в Трансильвании бродят по лесам эдакие фифы, зубы вышибают.

Прям ни-ни — только сунься! Бессмертник Кощеев как-то мимо пролетал, с конского скелета упал, дык едва латы унес.

— Кто циклопиха? Я? Ах ты, секильдявка! — мигом теряя всякую робость, страшным голосом взревела тетя Нинель. Она крайне болезненно относилась к любым намекам на свой вес.

Испуганный родственник задрожал и полез забиваться под шкаф для обуви.

— Ой, страшна, мамаша, страшна! Прям хоть завтра к нам в Трансильванию! — запищал он оттуда.

Дядя Герман выронил шпагу. При повторном упоминании Трансильвании в мыслях у него смутно начало что-то проясняться.

— Погоди, так ты вампир? — спросил он, глядя на развитые глазные зубы выглядывающего из-под шкафа Халявия.

— Да не вампир я! Оборотень! Нехорошо, братец, своих не узнавать! Хоть ты и председатель, и Дракуле родня, да все ж таки нехорошо! — укориженно произнес Халявий.

Он еще некоторое время посидел под шкафчиком и, убедившись, что тетя Нинель на него не кидается, выбрался наружу. Отряхнувшись, родственник извлек прямо из воздуха короткий нож с широким лезвием и решительно вонзил его в паркет.

— Иная-то шантрапа с медальонами балуется, да только я этих фокусов не признаю! Я уж лучше этак, по старинке! — сообщил Халявий и внезапно, безо всякого пред-

упреждения, с необычайной ловкостью перекувырнулся через нож.

Облезшая волчья шкура, прежде свободно болтавшаяся на плечах, теперь словно приросла к своему хозяину. Лишайчатое лицо вытянулась. Руки удлинились. Ноги же, напротив, стали гораздо короче и покрылись жесткой серебристой шерстью. В следующую минуту потрясенные Дурневы внезапно осознали, что на паркете их квартиры, поджимая уши, сидит и скалится крупный волк.

Тетю Нинель забила такая крупная дрожь, что, чудилось, весь колоссальный правительственный дом затрясся и задрожал с ней вместе. Председатель В.А.М.П.И.Р. схватил с пола шпагу и выставил ее перед собой, на случай, если волк бросится на них. Но оборотень не бросался. Он смотрел на родственников желтыми, несимметричными, словно случайно прорезанными глазами, будто желал определить, кто из двоих аппетитнее. Потом встал и, негромко рыча, направился к тете Нинели. Из его полуоткрытой пасти стекала прозрачная и тонкая, как волос, нить слюны.

Тетя Нинель завопила дурным голосом.

— Мамуль, сколько можно шуметь? Кто там приперся? Вы мне мешаете чатиться!.. Я тут одну девчонку почти убедила, что Гэ Пэ на мне женится! — раздраженно крикнула из комнаты Пипа.

Услышав ее голос, волк повернул голову и замер. В его желтых зрачках мелькнуло что-то похожее на умиление. Забыв об аппетитной тете Нинели, оборотень

вновь бросился к ножу и перекатился через него. На полу опять возник Халявий с волчьей шкурой на плечах.

— Пардоньте, что едва не загрыз, мамаша! — извинился он. — Когда обернувшись, я малость не в себе бываю. Вроде я, а вроде и не я. Туман в голове. Если бы Пипочка моя родная голоска не подала, уж и не знаю, что было б.

— Откуда ты знаешь Пипу? — строго спросил дядя Герман. Директор фирмы «Носки секонд-хенд» только что едва не стал вдовцом и теперь размышлял, повезло ему или нет, что все сорвалось.

Халявий застенчиво переступил с одной босой ножки на другую.

— Да тут, то ись, какое дело, братец... Пипу-то у нас в Трансильвании все знают! Такая личность! — сказал он.

— Какая еще личность? — нахмурился Дурнев.

— Да как же! Поговаривают, внучок-то Пипин через две сотни лет повелителем нежити станет! Недавноть на камне судеб буквы, значить, проступили! Большому кораблю, как грится... А я-то как рад! Родная кровиночка! Тута вот баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тетка Хрипуша. А тута батяня мой Пруха... — пошел по второму кругу Халявий.

— Прекратите нести чушь! Это я уже слышал! — отрезал Дурнев.

— Герман, прогони его! Давай я вызову консержку! — слабым голосом сказала тетя Нинель.

— Не получится меня прогнать, то ись! Так-то, дорогие мои! Сказал: у вас буду жить — и буду! — замотал головой Халявий.

— Это почему же? — возмутилась Дурнева.

Оборотень показал ей язык.

— Мы с братиком Германом судьбоносцы. Это в мире волшебном у нас все знают. Как на свет появились, уже судьбоносцами были. Это кто-то из рода нашего древнего так наколдовал: ворожейный был род, знатный. Хоть у Рюхи, хоть у Прухи, хоть у Хрипуши спроси — всяк одно скажет, — пояснил оборотень.

В голосе у него была странная убедительность.

— А кто такие судьбоносцы? — обреченно осведомилась тетя Нинель.

— Судьбоносцы, мамаша, это когда две судьбы одной ниточкой, пуповинкой одной связаны. Куда одна судьба, туда и другая. У него плохо — у меня плохо. У меня счастье — у него счастье. Ежели, к примеру, я умру, он и часу не проживет без меня. Так-то вот, мамаша! Вот гляди: меня чуть кольями не прибили и пулями не изрешетили, а у муженька твоего небось в тот же день чего другое было... Не знаю чего, а было... Не могло не быть!

— Президентская охрана... Пропуск в Думу отобрали! О, нет, — простонал дядя Герман.

За спиной у него обрушилось что-то массивное. Это грузно сползла вдоль стены тетя Нинель. Такса Полтора Километра завyla жалобно, надрывно, душераздирающе. Она уже жалела, что дяде Герману не продали яду.

Яду, всем яду! Все смешалось в доме Облонских! Все смешалось и в магическом мире, и в мире лопухоидов, и в моей голове! Ох, угораздило, ну и угораздило же нас ро-

диться на этом стремительно вращающемся безумном шарике да еще и в самый безумный момент его истории!

Просто мамочка моя бабуся, как сказал бы Баб-Ягун!!!

Глава 2

ТОРТ С ЧУМОЙ И ПРЫГАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ

Почему-то часто так случается, что мы вспоминаем о человеке в момент, когда он сам вспоминает о нас. Или звонит, или едет в гости. Но вот Баб-Ягун о нас не вспоминал, не звонил и в гости тоже не набивался. Он стоял перед зеркалом в комнате у Тани и, закатав рукава, разглядывал свои бицепсы. Щеки у Ягуна были толстые, а вот мускулы не слишком внушительные. Вероятно, Ягуну и самому пришлось это на ум, потому что он удрученно спросил:

— Народ, никто не помнит, как мышцы побольше наколдовать?

Таня отложила тетрадь с заданиями по теоретической магии. Она вконец запуталась. Сарданапал велел им составить подробный гороскоп Юлия Цезаря и объяснить все события в его жизни с точки зрения расположения планет. У Тани же с планетами выходила полная неразбериха. Марс, Юпитер, Сатурн и Венера путались как у нее в голове, так и на бумаге. Но противнее всех была Луна. Она вообще издевалась, подмигивая девочке с расчерченного гороскопа и утверждая, что наиболее благоприятный

день в жизни Юлия был тот, когда его зарезали. Идеальная же совместимость характеров была у Цезаря только с неким лопухоидом по имени Брут.

— Эй, чего все молчат? Я говорю: надувательное заклинание кто-нибудь помнит? — нетерпеливо повторил Ягун.

— Забудь об этом! — сказала Таня. — Помнишь, Жикин себе мускулатуру наворожил, как у атланта? Ходил крутой, как вареное яйцо! Плечи в дверь не проходили, а через неделю — раз! — сдулся прямо на защите от духов. То-то хохоту было!

— Это не Жикин виноват. Это Поклеп! Он обожает учеников на место ставить. Особенно нас, четвероклассников! Ну погоди, завуч, вот вырасту, стану величайшим магом, встретимся мы тогда в узком переулочке! «Ну здравствуй, — скажу я ласково, — старый мухомор! Кто в юности напустил на меня биовампиров? А психанутого духа? А теперь как насчет экскурсии в мир полтергейстов?» — размечтался Ягун.

Однако мысли о мести надолго не задержались у него в голове. Вместо этого играющий комментатор неожиданно потребовал второе зеркало.

— А что, ты в одном уже не помещаешься? — ехидно поинтересовалась Таня.

— Издеваешься? — оскорбился Ягун. — Я просто хочу на себя сзади посмотреть. Интересно, сзади я такой же красивый, как и спереди, или меня уши портят?

— Красивый, красивый... — поспешно сказала Таня. Признать Ягуна красивым было проще, чем бегать по этажу отыскивать еще одно зеркало.

— В самом деле красивый? А этот прыщик на лбу? Конечно, это всего лишь прыщик, но все же портит он меня или нет? — Разглядывая себя, Ягун прильнул совсем близко к стеклу.

ДЗИААНГАНГГ!

Внезапно из зеркала вырвалась рука со скрюченными пальцами. Она пронеслась сквозь Ягуна и втянулась обратно. Внук Ягге побледнел и отпрянул, ощупывая свою голову. Он никак не мог понять, уцелела она или нет.

— Ты видела, видела? — крикнул он.

Зеркало отразило жуткое перекошенное лицо с распухшим, точно от хронического насморка, бугристым носом. По ту сторону стекла на трехногом табурете сидел сморщенный горбун со светящимися глазами. Скалясь, он скатал отражение Ягуна и, небрежно скомкав его, точно лист бумаги, швырнул Ягуну под ноги. Снова расхохотался. По зеркалу пробежала волна. Горбун исчез.

— Что это было? — прохрипел Ягун с ужасом.

— А-а... Безумный Стекольник... Горбун с Пупырчатым Носом. Он живет там, в зеркале. Ему, видно, надоело, что ты тут вертелся дольше Гробыни, — пояснила Таня.

— Откуда он здесь взялся? — допытывался Ягун.

Малютка Гроттер грустно посмотрела на вконец запутавшийся гороскоп, прикидывая, не использовать ли *Чукара курачукара*.

— Э-ээ... Стекольник? Ну вообще-то это я его здесь поселила. Вызывающим заклинанием, — призналась она.

— Зачем? Тебе нравится этот субъект? — со страхом спросил Ягун.

— Ты что, перегрелся? Кому он может нравиться? Я хотела Гробыню слегка проучить. Она вечно перед зеркалом торчит — даже причесаться не дает, — призналась Таня.

— Ты спятила, Гроттер! Он явно из темных духов! Даже хуже... Чур меня, чур! — Ягун с суеверным ужасом смотрел на свое скомканное отражение, таявшее у него под ногами, точно сосулька, брошенная на раскаленную сковороду. Последним исчезло лицо. Новое отражение Ягуна, возникшее в стекле сразу после гибели первого, дрожало, как осиновый лист.

— То-то и оно... Я, понимаешь, когда заклинание проносила, не разобралась, что оно из запрещенных. Буркнула наспех, когда на Склеп злилась, а заклинание возьми да и сработай... Да еще не просто — тремя красными искрами!.. Кто мог представить, что Горбун такой навязчивый окажется? Вызваться он вызвался, а уходить не собирается. Да еще пророчествует по ночам... — пожаловалась Таня.

— А из стекла он того... не вылезает? — поинтересовался Ягун.

— Да нет вроде. Скорее всего, он и не может. Вот только руку иногда высунет или голову. Не нравится мне все это...

— А, ну тогда ладно! — Ягун потряс головой, отгоняя наваждение. — Ты же знаешь: я обычно не слишком себя разглядываю. Сегодня особый случай. Должен я был запомнить себя таким на всю жизнь или не должен?

— С какой это радости? — спросил Таня.

— Как с какой? Пятнадцать лет лбу! Через три дня шестнадцать! — гордо сообщил играющий комментатор.

— Кошмар! Я думала, столько не живут! Ты дряхл, как Готфрид Бульонский! — насмешливо сказала Таня.

Надув губы, Ягун покосился на Таню.

— При чем тут твой Готфрид? У меня день рождения на носу, почти что юбилей, а про это все забыли. Непорядок!

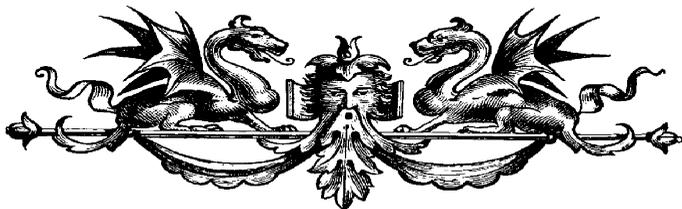
— Ты рано делаешь выводы! Думаю, все еще впереди, — сказала малютка Гроттер.

Играющий комментатор расплылся в широченной улыбке, но, спохватившись, поспешил сделать недовольное лицо. Но Таню было не провести. Она поняла, что Ягун специально разнюхивал: забыли о его дне рождения или нет.

— Ну так и быть... Посмотрим, что там такое. У нас в Тибидохсе как: сам себе подарок не сделаешь — не порадуешься, — заявил он.

— Ягун, не бабьежничай! — возмутился до сих пор молчавший Ванька Валялкин.

Ванька тоже был здесь: кормил червями и жуками полыхающего всеми цветами радуги жар-птица. Прежний птенец давно превратился во взрослую птицу — да еще такую обжигающую, что взять ее можно было только в толстой рукавице. Правда, воспитанный людьми, жар-птиц толком еще не определился, кто он такой, и избегал общества других птиц, предпочитая общество Ваньки или

ОГЛАВЛЕНИЕ

Справочник магических заклинаний	5
Глава 1	
РОДСТВЕННИКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ.....	11
Глава 2	
ТОРТ С ЧУМОЙ И ПРЫГАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ.....	24
Глава 3	
ПОЛУДЕННЫЙ БЕС И ДУРНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ.....	55
Глава 4	
ТЕРПСИХОРА, ПОЛИГИМНИЯ И ЧЕРЕПАХОВАЯ ЛИРА.....	75
Глава 5	
СНЕСИ ТЫ МНЕ, КУРОЧКА, ЯИЧКО.....	117
Глава 6	
ТАЙНОЕ ИМЯ.....	125
Глава 7	
ТРИГЛАВ, ПЕРУН, ВЕЛЕС И СИМОРГ.....	147
Глава 8	
СВЯЩЕННОЕ ЖИВОТНОЕ ДЯДИ ГЕРМАНА.....	173
Глава 9	
ЗЛО ПОЖАЛОВАТЬ, ТАНЯ-ДЕЛЬ-ТОРТ.....	193
Глава 10	
ВАМПИРНЯ «МАДАМ ВАМП» (БЫВШ. «ЛЮБИМАЯ АРТЕРИЯ»).....	216
Глава 11	
ГУРИЙ ПУППЕР — ОДИНОКИЙ И... ПОХИЩЕННЫЙ.....	275
Глава 12	
ПОЛЯРНЫЕ ДУХИ.....	292
Глава имени Чумы-дель-Торт	
«В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ГРОТТЕРША, В ЛЕСУ ОНА РОСЛА...».....	372